



DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.2.1>

UDC 331.5

LBC 65.240.51

Submitted: 07.04.2023

Accepted: 21.04.2023

IMPACT OF INDIVIDUAL CHARACTERISTICS ON EMPLOYMENT, ENTREPRENEURSHIP AND SELF-EMPLOYMENT IN RUSSIA¹

Anastasia Yu. Merzlyakova

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Lyubov V. Antosik

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. Self-employment and entrepreneurship can be considered as mechanisms for adapting the labor market to external shocks. The purpose of this study is to identify socio-demographic and professional characteristics that determine the choice of individuals between employment, entrepreneurship, and self-employment. We used the database of microdata from workforce sample surveys at Rosstat from 2017 to 2020. The study showed significant gender, age, and professional differences in the profiles of entrepreneurs, self-employed, and employees. Employment is facilitated by the availability of vocational education and the age limit of 50 years. Self-employment is more often chosen by individuals with a low level of education and predominantly in young (15–19 years old) and older age groups. Entrepreneurs are characterized by a higher level of education and family status. The results of the logit analysis suggest that age and living in rural areas have a negative effect on employment. The sectoral structure of the region's economy also influences the choice of labor market strategy. Due to the significant differences in age, level of education, and types of activity, we believe that self-employment is considered by individuals not as one of the stages of entrepreneurship but rather as an alternative to employment, especially for young people aged 15–19 and for the older generation (55+).

Key words: labor market, employment, entrepreneurship, self-employment, individual characteristics.

Citation. Merzlyakova A.Yu., Antosik L.V. Impact of Individual Characteristics on Employment, Entrepreneurship and Self-Employment in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2023, vol. 25, no. 2, pp. 5-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.2.1>

УДК 331.5

ББК 65.240.51

Дата поступления статьи: 07.04.2023

Дата принятия статьи: 21.04.2023

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ЗАНЯТОСТЬ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И САМОЗАНЯТОСТЬ В РФ¹

Анастасия Юрьевна Мерзлякова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Любовь Валерьевна Антосик

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Механизмами адаптации рынка труда к различным внешним шокам могут быть самозанятость и предпринимательство. Цель данного исследования – выявление социально-демографических и профессиональных характеристик, формирующих выбор индивидов между работой по найму, предпринимательством и самозанятостью. Для анализа была использована база микроданных обследований рабочей силы Росстата с 2017 по 2020 год. Проведенное исследование показало существенные гендерные, возрастные и профессиональные различия в профиле предпринимателей, самозанятых и наемных работников. Трудоустройство по найму облегчает наличие профессионального образования и возраст до 50 лет. Самозанятость чаще выбирают индивиды с невысоким уровнем образования и преимущественно в молодых (15–19 лет) и старших возрастных группах. Для предпринимателей характерны более высокий уровень образования и семейный статус. Результаты логит-анализа свидетельствуют о том, что возраст и проживание в сельской местности оказывают отрицательный эффект на занятость. Ввиду существенных различий по возрасту, уровню образования и видам деятельности мы полагаем, что самозанятость рассматривается индивидами не как один из этапов перехода к предпринимательству, а выступает альтернативой работе по найму, особенно для молодежи 15–19 лет и старшего поколения (55+).

Ключевые слова: рынок труда, занятость, предпринимательство, самозанятость, индивидуальные характеристики.

Цитирование. Мерзлякова А. Ю., Антосик Л. В. Влияние индивидуальных характеристик на занятость, предпринимательство и самозанятость в РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.2.1>

Введение

На современном этапе развитие российского рынка труда происходит под влиянием ряда вызовов. Во-первых, усиление санкционного давления на экономику, результатом которого становится ограничение доступа к новым технологиям, отток специалистов IT-сектора, а во-вторых, сокращение численности трудоспособного населения и изменение возрастного состава рабочей силы. По оценкам экспертов, с 2019 по 2030 г. численность экономически активного населения в РФ сократится почти на 2 млн человек. Помимо изменения в количестве рабочей силы прогнозируется и трансформация ее возрастного состава. К 2030 г. доля тех, кому меньше 40 лет, уменьшится с 42 % в 2019 г. до 37,4 %. Старение рабочей силы в дальнейшем приведет к снижению производительности труда и замедлению темпов экономического роста. Недостаточная мобильность человеческого капитала между регионами и значительная пространственная неоднородность только усиливают негативное воздействие на рынок труда и экономическое развитие страны в целом.

Текущие угрозы актуализируют поиск ответов на вопросы о том, насколько индивиды в случае потери работы могли бы реализовать себя в качестве самозанятого или предпринимателя. Самозанятость – это особый налоговый режим для лиц, получающих

доходы от трудовой деятельности на территории России. Термин «самозанятость» в российском законодательстве появился в 2017 году. Введение самозанятости, с одной стороны, было призвано снизить объемы теневого сектора экономики, с другой стороны, рассматривалось как один из вариантов перехода фрилансеров к предпринимательской деятельности. Согласно данным Федеральной налоговой службы (ФНС), в 2022 г. в России количество самозанятых превысило число индивидуальных предпринимателей и составило 6,5 млн чел., тогда как в 2019 г. было 3 млн чел., при этом доходы самозанятых возросли до 932 млрд рублей. Росту популярности самозанятости в 2020–2021 гг. способствовало распространение нового налогового режима на все виды деятельности, снижение сумм налогов и в целом более низкие транзакционные издержки ведения хозяйственной деятельности по сравнению с предпринимательством.

Таким образом, актуальность исследования связана с необходимостью изучения предпринимательского потенциала российского общества с целью более эффективного использования трудовых ресурсов. Данная работа направлена на поиск ответов на следующие вопросы: какие личные и профессиональные характеристики определяют выбор индивидов между работой по найму, предпринимательством и самозанятостью и насколько этот выбор различается по регионам РФ?

Обзор литературы

Теоретическая модель выбора формы занятости между предпринимательством и работой по найму впервые была представлена в статье Р. Лукаса [Lucas, 1978], где рассмотрено, как индивиды принимают решение о занятости, максимизируя свою полезность в зависимости от заработка. В экономической литературе факторы, определяющие выбор предпринимательской карьеры, разделены на две большие группы: индивидуальные и факторы внешней среды. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что среди индивидуальных факторов важны пол, возраст, уровень образования и доходов населения. В работах [Blanchower, 2004; Bosma et al., 2009; De Bruin et al., 2007; The Role of Gender Stereotypes ... , 2009; Minniti et al., 2007a] показано, что предпринимательская деятельность предпочтительнее для мужчин, нежели для женщин, с возрастом готовность к предпринимательству снижается [Kautonen et al., 2009; Levesque et al., 2006], и чем выше уровень доходов и благосостояния, тем больше желание создать свой бизнес [Kihlstrom et al., 1979]. В некоторых статьях (см., например: [Acs et al., 2004]) выявлена положительная связь между уровнем образования и предпринимательской активностью.

Роль социокультурных, институциональных и других факторов в выборе предпринимательской деятельности рассматривается в работах [Gohmann, 2012; Minniti et al., 2007b]. Улучшение институциональных условий ожидаемо согласуется с увеличением числа индивидов, предпочитающих собственный бизнес. На выбор индивидов может влиять и отраслевая структура экономики, специализация региона. Например, в регионах с высокой долей добывающей промышленности ниже уровень предпринимательской активности [Industry Structure ... , 2016], поскольку в таких секторах крупные компании предлагают более выгодные условия занятости для населения по сравнению с предпринимательством. Среди работ российских ученых, посвященных анализу воздействия внешних факторов на занятость в предпринимательском секторе, можно выделить работу С.П. Земцова и др., где в качестве наиболее зна-

чимых факторов – экономическое развитие региона, доступность Интернета, доля государства и отраслевая структура экономики [Занятость ... , 2021].

Специфика механизма адаптации российского рынка труда к внешним шокам рассматривается в работе В. Гимпельсона и А. Шаруниной. Применение ряда методологических подходов к анализу данных за 2000–2012 гг. позволило авторам заключить, что состояние экономической неактивности играет особую роль в адаптационных процессах на рынке труда в РФ, а безработица не является застойным явлением [Гимпельсон и др., 2015]. Недостаточно эффективная социальная политика, прежде всего низкие пособия, служит барьером на вход в безработицу и стимулирует скорый выход из нее.

О неоднозначном влиянии государственной политики на предпринимательство и занятость говорится как в зарубежных работах [Fritsch, 2013; Fritsch et al., 2008; Fritsch et al., 2013; Shane, 2009], так и в работах российских ученых [Новая предпринимательская политика ... , 2020]. Государственная политика, реализуемая в период кризиса, в долгосрочной перспективе может не способствовать росту занятости. Получившие поддержку предприятия, как правило, создаются в низкотехнологичных отраслях с низкими барьерами входа и ограниченным спросом, и при улучшении экономической ситуации такие вынужденные предприниматели стремятся сами найти работу по найму. В результате ситуация с занятостью и предпринимательской активностью после подобной поддержки может даже ухудшиться [Shane, 2009].

Исследования предпринимательства в России связаны с анализом факторов, определяющих предпринимательские предпочтения индивидов. В частности, в статьях [Барсукова, 1999; Радаев, 1993] рассмотрены социально-демографические особенности портрета предпринимателей в России. В более поздней работе на данных «Глобального мониторинга предпринимательства» (GEM) выявлено, что существенное влияние на выбор предпринимательской деятельности оказывает наличие предыдущего опыта или благоприятные условия внешней среды [Александрова и др., 2015].

Самозанятость как вариант трудовой стратегии и способ самореализации людей старшего возраста исследуется в работе М. Картузовой. Объектом ее анализа стали самозанятые в возрасте 50–73 лет, которые находят заказы посредством цифровых платформ. Интервьюирование показало, что переход старшего поколения в самозанятость связан с потерей конкурентоспособности на «официальном» рынке труда, предпочтением работодателями более молодых сотрудников. Самозанятость, организованная посредством цифровых платформ, побуждает одних фрилансеров вернуться к давно оставленной профессии и использовать ранее полученные навыки, других – к инвентаризации собственного накопленного опыта, а третьих – к заимствованию наиболее эффективных практик у молодежи [Картузова, 2022], но в целом способствует адаптации людей старших возрастных групп к цифровизации и новым технологиям.

Сегодня существуют некоторые работы, посвященные анализу влияния пандемии на занятость [The COVID-2019 ... , 2020; Intelligent Lockdown ... , 2020; Соболева и др., 2021]. Показано, что вероятность изменения статуса на рынке труда в период пандемии зависит от многих факторов, в том числе социально-демографических характеристик [The COVID-2019 ... , 2020; Intelligent Lockdown ... , 2020].

Таким образом, важность личностных характеристик в поведении субъектов на рынке труда неоднократно подчеркивалась исследователями, однако анализ предпочтений индивидов относительно выбора между работой по найму, предпринимательством и самозанятостью с использованием микроданных по РФ пока не проводился. Наше исследование направлено на частичное восполнение этого пробела.

Объект и предмет исследования

Настоящая работа основана на микроданных выборочного обследования рабочей силы Росстата (далее – ОРС) в 2017–2020 годах. Оно проводится путем опроса населения по стандартизированному бланку анкеты ежемесячно в течение одного года. С целью повы-

шения репрезентативности данных показатели выборки агрегируются до годового показателя. Данное обследование не является лонгитюдным, поскольку объекты наблюдения каждый год меняются случайным образом.

Общее количество наблюдений составляет более 3,5 млн чел. в возрасте 15–75 лет. Из них в числе занятых 59 %, безработных – 3,6 %, экономически неактивного населения – 37,4 %. На основании ответов, содержащихся в анкете, занятые индивиды были поделены на три группы – работающие по найму (93 % от занятых), предприниматели (1,4 %) и самозанятые (5,6 %).

Описательный анализ данных позволил получить представление о социально-демографических профилях работников по найму, предпринимателей и самозанятых. Среди работающих по найму соотношение мужчин и женщин составляет 50:50, тогда как среди предпринимателей и самозанятых преобладают мужчины (66 % и 57 % соответственно). Городскими жителями являются 67 % работников по найму, в то время как их доля в предпринимательстве составляет 72 %, а в числе самозанятых – только 48 %.

Возрастная структура занятых приведена на рисунке 1. Интересно, что доля лиц в возрасте до 30 лет, занимающихся предпринимательской деятельностью, составляет всего 6 %, в то время как для работающих по найму и самозанятых доля молодежи возрастает до 17 % и 15 % соответственно. По мере накопления опыта и стажа работы число самозанятых и предпринимателей растет. Однако возрастная структура самозанятых отлична и от предпринимателей, и от наемных работников. Среди занятых в возрасте 35–54 лет доля предпринимателей больше доли самозанятых, а в группах 15–19 и старше 55 лет мы наблюдаем превышение доли самозанятых над долей работающих по найму, это может означать, что самозанятость дает возможность реализовать себя на рынке труда наименее конкурентоспособным категориям граждан: молодежи и пенсионерам. Наибольшая доля предпринимателей приходится на группу 45–49 лет, для наемных работников и самозанятых этот возраст составляет 40–44 года.

Анализируя уровень образования работников (рис. 2), отметим, что доля самозанятых со средним общим образованием и ниже значительна – почти 40 %, а с высшим образованием – всего 18 %. Для предпринимателей наблюдается противоположная картина: доля имеющих высшее образование – 44 %, а среднее общее и ниже – 17 %. Таким образом, наличие / отсутствие высшего образования, вероятно, не является ограничением для самозанятости.

Интересно проследить взаимосвязь текущей работы с полученной специальностью. Данные рисунка 3 позволяют заключить, что

чаще всего вид деятельности предпринимателей и самозанятых не связан с полученной профессией. Однако для последних это можно объяснить отсутствием профессии в принципе: как было ранее отмечено, 40 % имеют среднее общее образование и ниже.

Распределение занятых по семейному положению показано на рисунке 4. Никогда не состоявшие в браке в основном работают по найму или становятся самозанятыми. Предпринимателей, состоящих в браке, больше на 13 п.п., по сравнению с наемными работниками и самозанятыми. Наличие семьи, очевидно, положительно влияет на деловую репутацию.

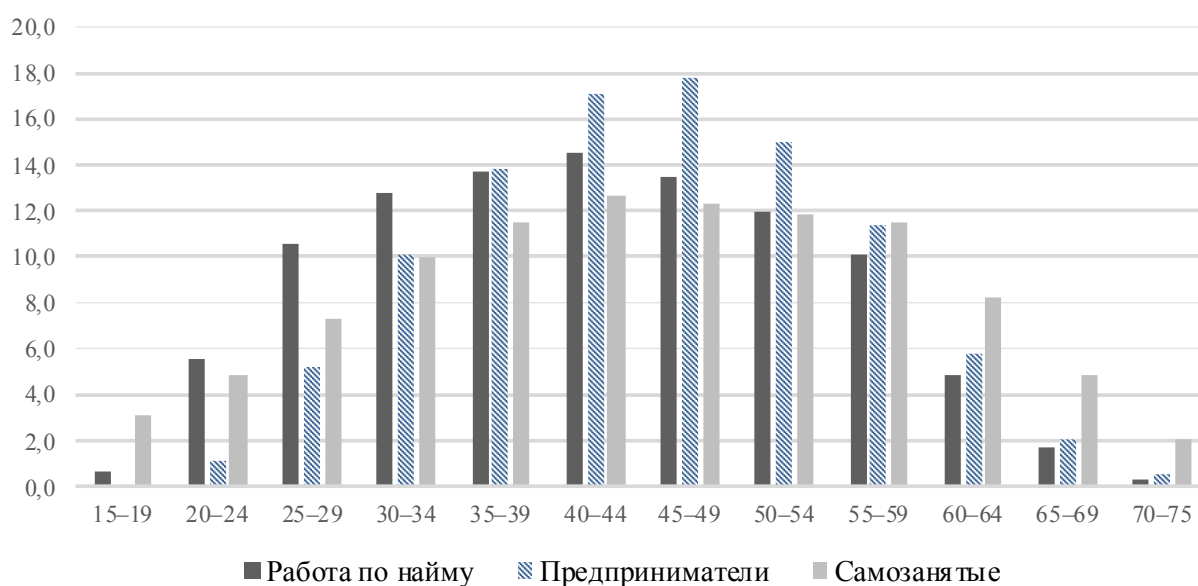


Рис. 1. Распределение по типам занятости: возрастная структура, %, ОПС, 2017–2020 гг.

Fig. 1. Distribution by type of employment: age structure, %, Labor Force Survey, 2017–2020

Примечание. Расчеты авторов.

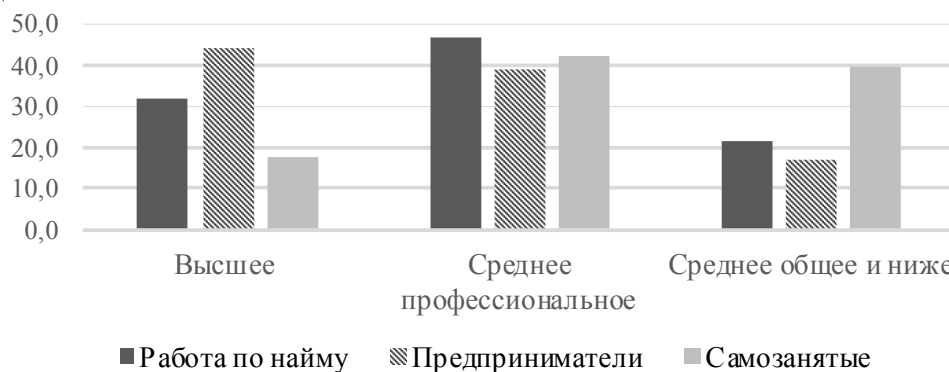


Рис. 2. Распределение по типам занятости: уровень образования, %, ОПС, 2017–2020 гг.

Fig. 2. Distribution by type of employment: level of education, %, Labor Force Survey, 2017–2020

Примечание. Расчеты авторов.

В предпринимательской деятельности важны ответственность, умение принимать решения, стабильность. Этими качествами, как правило, и обладают люди, состоящие в браке. Среди разведенных выше доля работающих по найму, а вдовствующие, что интересно, чаще являются самозанятыми.

В отношении распределения занятых по видам деятельности (см. рис. 5) отметим следующее. Ожидаемо, что доля работающих по найму в здравоохранении, государственном управлении высока, так как возможности предпринимательства и самозанятости в этих сферах ограничены. Самозанятость сконцентрирована в сельском хозяйстве, а предпринимательская деятельность – в торговле, здесь доля предпринимателей значительно превышает

долю самозанятых (47 против 18). В сельском хозяйстве доля самозанятых (39 %) сильно превосходит и долю предпринимателей (8 %), и долю наемных работников (6 %).

Таким образом, анализ гендерной, возрастной и образовательной структуры занятых позволяет сделать некоторые промежуточные выводы. Мы наблюдаем различные социально-демографические профили работников по найму, предпринимателей и самозанятых. Трудоустройству по найму способствует наличие профессионального образования. Немаловажное значение также имеет возраст (до 50 лет). Самозанятость же чаще выбирают индивиды с невысоким уровнем образования и преимущественно в старших возрастных группах, при этом занятые в

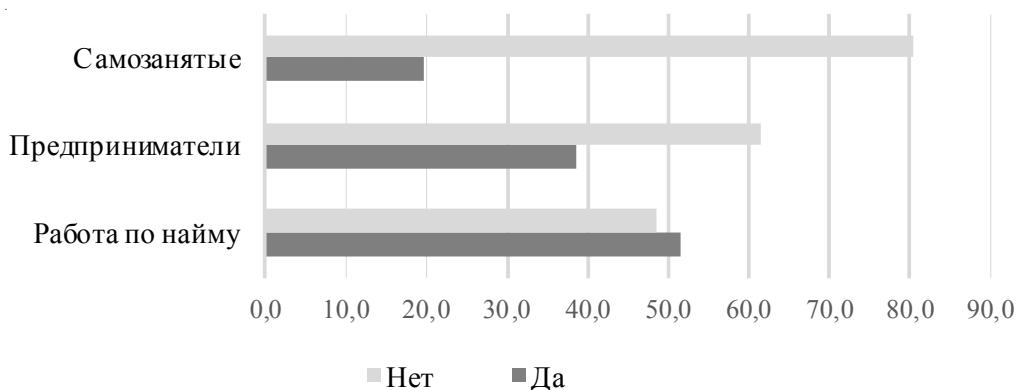


Рис. 3. Распределение по типам занятости: связь работы с полученной профессией, %, ОПС, 2017–2020 гг.

Fig. 3. Distribution by type of employment: connection of work with the received profession, %, Labor Force Survey, 2017–2020

Примечание. Расчеты авторов.

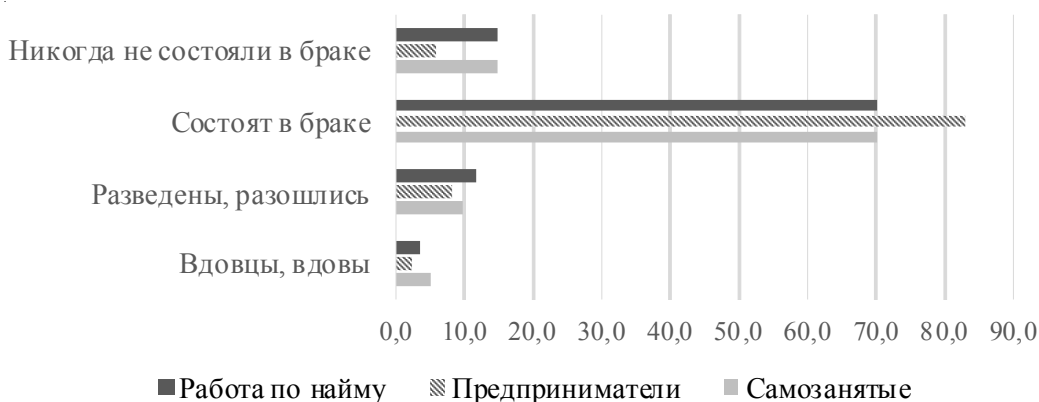


Рис. 4. Распределение по типам занятости: семейное положение, %, ОПС, 2017–2020 гг.

Fig. 4. Distribution by type of employment: marital status, %, Labor Force Survey, 2017–2020

Примечание. Расчеты авторов.

сельском хозяйстве. Для предпринимателей характерен более высокий уровень образования и семейный статус. Ввиду существенных различий по возрасту, уровню образования и видам деятельности маловероятно, что самозанятость рассматривается индивидами как один из этапов перехода к предпринимательству. Скорее, самозанятость – это шанс реализовать себя на рынке труда, работа «в свое удовольствие», а для проживающих в сельской местности, возможно, единственный вариант занятости.

Результаты и обсуждение

Используя микроданные выборочного обследования рабочей силы Росстата за

4 года с 2017 по 2020 гг., мы протестировали влияние пола, возраста, семейного положения, уровня образования, квалификации, полученной специальности на занятость. В работе оценена логит-модель для зависимой переменной, которая принимает значение 1 для занятых и 0 – для остальных (экономически неактивное население и безработных). Затем на подвыборке занятого населения, включающей 2 млн наблюдений, оценены еще три модели: для работающих по найму, предпринимателей и самозанятых. Аналогичные модели были построены отдельно для федеральных округов. Результаты оценивания предельных эффектов в целом по России приведены в таблице.

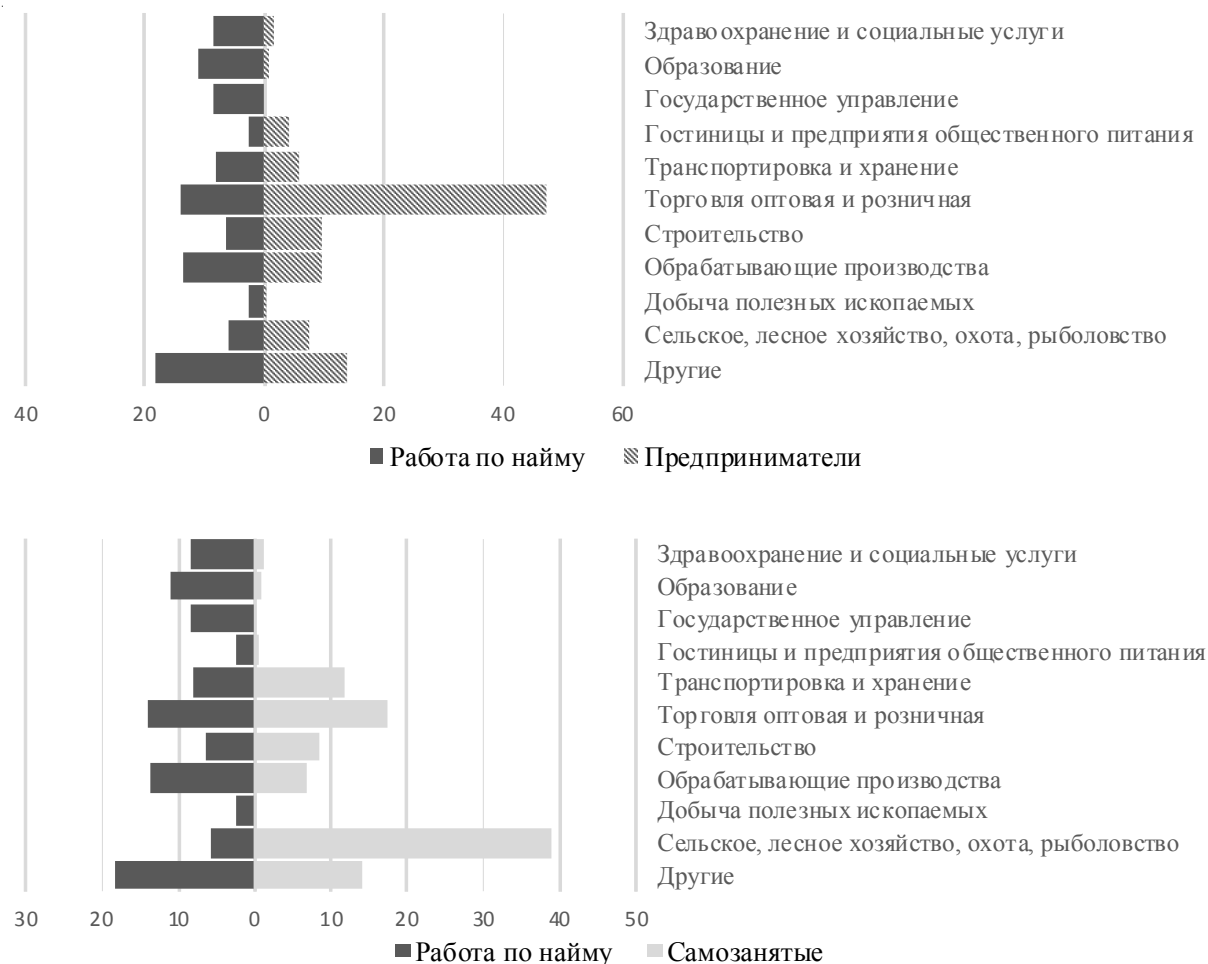


Рис. 5. Виды деятельности: найм, предпринимательство и самозанятость, %, ОПС, 2017–2020 гг.

Fig. 5. Type of economic activity: employment, entrepreneurship and self-employment, %, Labor Force Survey, 2017–2020

Примечание. Расчеты авторов.

Таблица. Результаты оценивания моделей (предельные эффекты)

Table. Model evaluation results (marginal effects)

Факторы	Зависимая переменная			
	Занятый	Работающий по найму	Предприниматель	Самозанятый
Пол (эталонная категория = «Мужчины»)	-0,15*** (0,001)	0,012*** (0,00)	-0,004*** (0,0001)	-0,004*** (0,000)
Возраст	-0,007*** (0,000)	-0,0002*** (0,00)	0,000 (0,000)	0,0002*** (0,000)
Место проживания (эталонная категория = «Город»)				
Сельская местность	-0,009*** (0,001)	-0,002*** (0,00)	-0,001*** (0,000)	0,001*** (0,000)
Уровень образования (эталонная категория = «Среднее профессиональное образование»)				
– высшее и выше	0,023*** (0,001)	0,002*** (0,00)	-0,001*** (0,000)	0,001* (0,000)
– среднее общее и ниже	1,00*** (0,000)	0,77*** (0,04)	-0,184** (0,07)	-0,612*** (0,058)
Профессиональное обучение в течение последних 12 месяцев (эталонная категория = «Да»)				
Нет	0,461*** (0,002)	0,004*** (0,00)	-0,001*** (0,000)	-0,002*** (0,000)
Семейное положение (эталонная категория = «Состоит в зарегистрированном браке»)				
– состоит в незарегистрированном браке	-0,001 (0,001)	0,004*** (0,00)	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)
– вдовцы, вдовы	-0,135*** (0,001)	-0,004*** (0,00)	-0,001*** (0,000)	0,006*** (0,001)
– разведены	0,061*** (0,001)	0,005*** (0,00)	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)
– разошлись	-0,014*** (0,003)	0,003** (0,00)	-0,001*** (0,000)	0,000 (0,000)
– никогда не состояли	-0,496*** (0,001)	-0,001* (0,00)	-0,003*** (0,000)	0,004*** (0,000)
Специальность (эталонная категория = «Инженерное дело, технологии и технические науки»)				
– математические и естественные науки	0,030*** (0,004)	-0,003* (0,001)	-0,000 (0,000)	0,004** (0,001)
– здравоохранение и медицинские науки	0,116*** (0,001)	-0,001 (0,001)	0,000 (0,000)	0,001 (0,001)
– сельское хозяйство	-0,035*** (0,002)	-0,003*** (0,00)	0,001*** (0,000)	0,000 (0,000)
– науки об обществе	-0,013*** (0,001)	-0,018*** (0,001)	0,002*** (0,000)	0,012*** (0,000)
– образование и педагогические науки	0,057*** (0,002)	0,004*** (0,00)	-0,002*** (0,000)	0,003*** (0,000)
– гуманитарные науки	0,012** (0,004)	-0,008*** (0,001)	-0,000 (0,000)	0,010*** (0,001)
– искусство и культура	0,056*** (0,003)	-0,022*** (0,002)	-0,000 (0,000)	0,026*** (0,002)
– оборона и безопасность государства, военные науки	-0,137*** (0,007)	0,021*** (0,002)	-0,003*** (0,000)	-0,012*** (0,002)
– нет	0,027*** (0,001)	-0,002** (0,00)	0,000 (0,000)	0,001* (0,000)
Время после окончания учебного заведения	-0,019*** (0,000)	-0,0004*** (0,00)	0,000*** (0,000)	0,0002*** (0,000)
Укрупненные группы работников (эталонная категория = «Неквалифицированные рабочие»)				
– руководители		-0,312*** (0,004)	0,343*** (0,012)	0,115*** (0,003)
– специалисты высшего уровня квалификации		-0,01*** (0,001)	0,015*** (0,001)	0,004*** (0,001)
– специалисты среднего уровня квалификации		-0,025*** (0,001)	0,021*** (0,001)	0,016*** (0,001)

Окончание таблицы

End of Table

Факторы	Зависимая переменная			
	Занятый	Работающий по найму	Предприниматель	Самозанятый
– служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием;		0,026*** (0,001)	0,004*** (0,001)	–0,021*** (0,000)
– работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности;		–0,075*** (0,001)	0,027*** (0,001)	0,06*** (0,001)
– операторы производственных установок и машин, сборщики и водители;		–0,048*** (0,001)	0,005*** (0,000)	0,052*** (0,001)
– квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий;		–0,066*** (0,001)	0,016*** (0,001)	0,066*** (0,001)
– квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства		–0,657*** (0,003)	0,016*** (0,001)	0,647*** (0,004)
Связь работы с полученной специальностью (эталонная категория = «Да»)				
Нет		–0,032*** (0,00)	0,004*** (0,000)	0,023*** (0,000)
Год обследования (эталонная категория = «2017»)				
2018	0,024*** (0,001)	0,003*** (0,00)	–0,0003 (0,000)	–0,002*** (0,000)
2019	0,024*** (0,001)	0,002*** (0,00)	0,0001 (0,000)	–0,002*** (0,000)
2020	0,023*** (0,001)	0,001 (0,0005)	0,000 (0,000)	–0,001* (0,000)
Количество наблюдений	3 505 901	2 025 318	2 025 318	2 025 318
Псевдо R ² (McFadden)	0,272	0,226	0,248	0,242

Примечание. Расчеты авторов. * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Как показал анализ, в среднем по РФ для женщин вероятность занятости ниже на 15 % по сравнению с мужчинами. По федеральным округам этот эффект варьируется от 12 % (Северо-Западный Федеральный округ) до 18 % (Южный Федеральный округ). Скорее всего, в южных регионах женщины больше вовлечены в неоплачиваемую деятельность, занимаются организацией домашнего быта, уходом за детьми, пожилыми родственниками и т. д. и, соответственно, вероятность их занятости ниже.

Очевидный и вполне ожидаемый вывод – возраст и проживание в сельской местности отрицательно влияют на занятость. Чем старше человек, тем ниже его шансы на рынке труда. В среднем по России вероятность трудоустройства в сельской местности ниже, по сравнению с городом, что, очевидно, связано с ограниченным предложением рабочих мест. Однако, если рассматривать результаты по отдельным округам, можно заметить положительный эффект проживания в сельской местности на занятость

в Приволжском, Северо-Кавказском и Южном федеральных округах. В южных регионах и Приволжском ФО это, вероятно, связано с низким уровнем заработных плат в городах и более развитым сельским хозяйством.

В отношении образования заметим, что оно значимо для занятости. Для лиц, имеющих высшее образование, вероятность быть трудоустроенным выше на 2,3 % по сравнению с теми, у кого среднее профессиональное образование. При этом естественнонаучное, математическое, медицинское, педагогическое образование, а также образование в области искусства и культуры увеличивает вероятность трудоустройства по сравнению с инженерным образованием. Исключение составляет образование в области общественных, сельскохозяйственных и военных наук, оно снижает вероятность занятости по сравнению с инженерными профессиями.

Оценивание вероятности работы по найму, предпринимательства и самозанятости

выполнено на выборке занятого населения, также по данным ОРС. Для женщин вероятность работы по найму выше, а предпринимательства и самозанятости, наоборот, ниже, чем для мужчин. Жители сельской местности в целом по России демонстрируют более высокую склонность к самозанятости, но предпринимательская деятельность среди них менее распространена. Однако в регионах Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Уральского федеральных округов, вероятность трудоустройства по найму в сельской местности выше, чем в городе, что может говорить о высоком качестве рабочих мест в селе. При этом вероятность стать самозанятым в этих регионах в городе выше, чем в селе.

Семейное положение по-разному влияет на занятость. Для тех, кто состоит в зарегистрированном браке, вероятность предпринимательства возрастает. Данная тенденция прослеживается как в России в целом, так и в отдельных округах. Развод, напротив, увеличивает вероятность работы по найму и снижает вероятность предпринимательства и самозанятости. Это можно наблюдать почти во всех регионах, кроме Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. Очевидно, что в большинстве случаев после разрыва официальных отношений для людей предпочтительнее стабильный заработок и, соответственно, работа по найму.

Помимо пола, возраста, семейного положения и образования мы включили в модели квалификационные группы работников. Оценки моделей свидетельствуют о том, что для руководителей, специалистов и квалифицированных рабочих вероятность и предпринимательства, и самозанятости выше, а работы по найму ниже, по сравнению с неквалифицированными работниками. Более высокий уровень квалификации, сформированные социальные связи, накопленный профессиональный опыт способствуют самоорганизации, формированию уверенности в себе, своих личных и профессиональных качествах и, соответственно, облегчают работникам переход в статус предпринимателя или самозанятого.

Наличие высшего образования (в сравнении со средним профессиональным) повышает вероятность работы по найму и самозанятости, а вероятность предпринимательства

снижает. Но в регионах Северо-Кавказского федерального округа наличие высшего образования уменьшает вероятность трудоустройства по найму, а в Приволжском и Уральском федеральных округах – уменьшает вероятность самозанятости. Отдельно отметим, что отсутствие высшего и среднего профессионального образования существенно снижает вероятность ведения предпринимательской деятельности (на 18,4 %) и самозанятости (на 61,2 %), соответственно, увеличивает вероятность работы по найму (на 77 %).

В отношении полученной специальности отметим, что шансы на работу по найму увеличивали педагогическое и военное образование. Для предпринимательской деятельности важны оказались образование в сфере сельского хозяйства и общественных наук. На самозанятость положительно влияет образование в области математических, естественных, гуманитарных, общественных и педагогических наук, а также в сфере искусства и культуры.

Подводя итог, отметим, что развитие предпринимательства может стимулировать высокий уровень образования [Lee et al., 2004; Huggins et al., 2017]. Однако помимо конкретной специальности важно обладать навыками, позволяющими работать в смежных областях [Александрова и др., 2015]. Этот вывод согласуется с обнаруженным нами результатом, который показывает, что в случае работы по найму профессиональная деятельность индивида тесно связана с образованием, которое он получил, а для самозанятости и предпринимательства наблюдается обратная зависимость.

Год обследования в моделях оказался положительно значим. В 2018–2020 гг. в целом вероятность занятости выше на 2,3–2,4 % относительно 2017 года. Для работы по найму 2020 г. оказался в моделях не значим, для предпринимательства – отрицательно значим только в регионах Сибирского федерального округа и такой же эффект для самозанятости наблюдался на юге Европейской части России.

Выводы

Проведенное исследование показало существенные гендерные, возрастные и профессиональные различия в профиле предпринима-

телей, самозанятых и наемных работников. Результаты анализа свидетельствуют о том, что вряд ли самозанятость можно рассматривать как шаг на пути к предпринимательству. Она, скорее, выступает альтернативной стратегией работы по найму, особенно для молодежи 15–19 лет и старшего поколения. С одной стороны, неспособность выдержать конкуренцию с молодыми работниками вынуждает людей старшего возраста уходить в самозанятость, а невысокий размер пенсий и увеличение продолжительности жизни дополнительно этому способствуют. С другой стороны, самозанятость в старшем возрасте – это способ реализовать себя, попробовать свои силы в новом виде деятельности, новой профессии [Картузова, 2022]. Наши результаты показали, что деятельность самозанятых, так же как и предпринимателей, чаще всего не связана с полученным образованием.

Полученное образование по-разному влияет на занятость. Высшее образование увеличивает вероятность работы по найму, однако снижает вероятность предпринимательства. Этот результат согласуется с другими исследованиями на российских данных [Заздравных, 2019], но отличается от примеров развитых стран, где предпринимательская активность выше в регионах с более образованным населением [Huggins et al., 2017; Sternberg et al., 2011].

В течение ряда лет осуществляется поиск источников сбалансированного устойчивого развития России. Механизмами адаптации рынка труда к внешним шокам могут быть самозанятость и предпринимательство. Понимание степени готовности индивидов к самозанятости и предпринимательской деятельности будет способствовать формированию адресных программ содействия в данной области с целью повышения конкурентоспособности индивидов на рынке труда.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-410-720004.

The study was carried out with financial support of the RFBR and the Tyumen region No. 20-410-720004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова, Е. А. Предпринимательские намерения в России: эмпирический анализ / Е. А. Александрова, О. Р. Верховская // Российский журнал менеджмента. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 3–28.
- Барсукова, С. Предприниматели разных «призывов», или Динамика составляющих предпринимательского успеха / С. Барсукова // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под ред. Т. И. Заславской. – М.: Логос, 1999. – С. 254–264.
- Гимпельсон, В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. / В. Гимпельсон, А. Шарунина // Экономический журнал ВШЭ. – 2015. – Т. 19, № 3. – С. 313–348.
- Заздравных, Е. А. Исторические эффекты региональной предпринимательской активности / Е. А. Заздравных // Российский журнал менеджмента. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 97–120. – DOI: 10.21638/spbu18.2019.105
- Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста / С. П. Земцов [и др.] // Вопросы экономики. – 2021. – № 12. – С. 66–93. – DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-66-93
- Картузова, М. В. Конкурентные стратегии фрилансеров старшего возраста на электронных трудовых платформах / М. В. Картузова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 207–222. – DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2068
- Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года / С. П. Земцов [и др.] // Вопросы экономики. – 2020. – № 10. – С. 44–67. – DOI: 10.32609/0042-8736-2020-10-44-67
- Радаев, В. Этническое предпринимательство: Россия и мировой опыт / В. Радаев // Полис. – 1993. – № 5. – С. 79–87.
- Соболева, Н. Э. Изменение статуса на рынке труда в период пандемии COVID-19 и субъективное благополучие россиян / Н. Э. Соболева, Б. О. Соколов // Вопросы экономики. – 2021. – № 12. – С. 139–153. – DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-139-153
- Acs, Z. Employment Growth and Entrepreneurial Activity in Cities / Z. Acs, C. Armington // Regional Studies. – 2004. – Vol. 38, no. 8. – P. 911–927. – DOI: 10.1080/0034340042000280938
- Blanchower, D. G. Self-Employment: More May Not Be Better / D. G. Blanchower // NBER. – 2004. – Working Paper No. 10286. – 59 p.
- Bosma, N. Global Entrepreneurship Monitor / N. Bosma, J. Levie. – 2009. – 72 p.
- De Bruin, A. Advancing a Framework for Coherent Research on Women’s Entrepreneurship / A. De

- Bruin, C. G. Brush, F. Welter // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. – 2007. – Vol. 31 (3). – P. 323–339.
- Fritsch, M. Investigating the Anatomy of the Employment Effect of New Business Formation / M. Fritsch, F. Noseleit // *Cambridge Journal of Economics*. – 2013. – Vol. 37. – P. 349–377. – DOI: 10.1093/cje/bes030
- Fritsch, M. New Business Formation and Regional Development: A Survey and Assessment of the Evidence / M. Fritsch // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. – 2013. – Vol. 9, no. 3. – P. 249–364. – DOI: 10.1561/03000000043
- Fritsch, M. The Effect of New Business Formation on Regional Development Over Time: The Case of Germany / M. Fritsch, P. Mueller // *Small Business Economics*. – 2008. – Vol. 30, no. 1. – P. 15–29. – DOI: 10.1007/s11187-007-9067-9
- Gohmann, S. F. Institutions, Latent Entrepreneurship, and Self-Employment: An International Comparison / S. F. Gohmann // *Entrepreneurship Theory and Practice*. – 2012. – Vol. 36, no. 2. – P. 295–321. – DOI: 10.1111/j.1540-6520.2010.00406
- Huggins, R. Entrepreneurship and the Determinants of Firm Survival Within Regions: Human Capital, Growth Motivation and Locational Conditions / R. Huggins, D. Prokop, P. Thompson // *Entrepreneurship & Regional Development*. – 2017. – Vol. 29(3–4). – P. 357–389.
- Industry Structure, Entrepreneurship, and Culture: An Empirical Analysis Using Historical Coalfields / M. Stuetzer [et al.] // *European Economic Review*. – 2016. – No. 86. – P. 52–72.
- Intelligent Lockdown, Intelligent Effects? The Impact of the Dutch COVID-19 Intelligent Lockdown on Gendered Work and Family Dynamics Among Parents / M. A. Yerkes [et al.] // *PLOS ONE*. – 2020. – Vol. 15, no. 11. – Art. e0242249. – DOI: 10.1371/journal.pone.0242249
- Kautonen, T. Involuntary Self-Employment in Finland: A Bleak Future? / T. Kautonen, J. Palmroos, P. Vainio // *Public Policy*. – 2009. – Vol. 4 (6). – P. 533–548.
- Kihlstrom, R. A General Equilibrium Entrepreneurial Theory of Firm Formation Based on Risk Aversion / R. Kihlstrom, J. Laffont // *Journal of Political Economy*. – 1979. – Vol. 87 (4). – P. 719–748.
- Lee, S. Y. Creativity and Entrepreneurship: A Regional Analysis of New Firm Formation / S. Y. Lee, R. Florida, Z. Acs // *Regional Studies*. – 2004. – No. 38 (8). – P. 879–891.
- Levesque, M. The Effect of Aging on Entrepreneurial Behavior / M. Levesque, M. Minniti // *Journal of Business Venturing*. – 2006. – Vol. 21 (2). – P. 177–194.
- Lucas, Jr. R. E. On the Size Distribution of Business Firms / Jr. R. E. Lucas // *The Bell Journal of Economics*. – 1978. – Vol. 9, no. 2. – P. 508–523. DOI: 10.2307/3003596
- Minniti, M. Being in Someone Else’s Shoes: The Role of Gender in Nascent Entrepreneurship / M. Minniti, C. Nardone // *Small Business Economics*. – 2007a. – Vol. 28(2–3). – P. 223–238.
- Minniti, M. I Think I Can, I Think I Can...: A Study of Entrepreneurial Behavior / M. Minniti, P. Koellinger, C. Schade // *Journal of Economic Psychology*. – 2007b. – No. 28. – P. 502–527.
- Shane, S. Why Encouraging More People to Become Entrepreneurs is Bad Public Policy / S. Shane // *Small Business Economics*. – 2009. – Vol. 33. – P. 141–149. – DOI: 10.1007/s11187-009-9215-5
- Sternberg, R. Regional Determinants of Entrepreneurial Activities-Theories and Empirical Evidence / R. Sternberg, M. Fritsch // *Handbook of Research on Entrepreneurship and Regional Development. National and Regional Perspectives*. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2011. – P. 33–57.
- The COVID-19 Pandemic and Subjective Well-Being: Longitudinal Evidence on Satisfaction with Work and Family / K. Möhring [et al.] // *European Societies*. – 2020. – Vol. 23, no. 4. – P. 1–17. – DOI: 10.1080/14616696.2020.1833066
- The Role of Gender Stereotypes in Perceptions of Entrepreneurs and Intentions to Become an Entrepreneur / V. Gupta [et al.] // *Entrepreneurship Theory and Practice*. – 2009. – Vol. 33 (2). – P. 397–417.

REFERENCES

- Aleksandrova E.A., Verkhovskaya O.R. Predprinimatelskiye namereniya v Rossii: empiricheskiy analiz [Entrepreneurial Intentions in Russia: An Empirical Analysis]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2015, no. 2, pp. 3-28.
- Barsukova S. Predprinimateli raznykh «prizyvov», ili Dinamika sostavlyayushchikh predprinimatelskogo uspekha [Entrepreneurs of Various “Calls”, or Dynamics of the Components of Entrepreneurial Success]. T.I. Zaslavskaya, ed. *Kuda idet Rossiya? Krizis institucionalnykh sistem: vek, desyatiletie, god* [Whither Russia? A Crisis of Institutional Systems: A Century, a Decade, a Year]. Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 254-264.
- Gimpelson V., Sharunina A. Potoki na rossiyskom rynke truda: 2000–2012 gg. [Flows in the Russian Labor Market: 2000–2012]. *Ekonomicheskiy zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 2015, vol. 19, no. 3, pp. 313-348.

- Zazdravnykh E.A. Istoricheskiye efekty regionalnoy predprinimatelskoy aktivnosti [The Historical Effects of the Regional Entrepreneurial Activity]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2019, no. 17 (1), pp. 97-120. DOI: 10.21638/spbu18.2019.105
- Zemtsov S.P., Tsareva Y.V., Salimova D.R., Barinova V.A. Zanyatost v malom i srednem biznese v Rossii: v poiskakh faktorov rosta [Small and Medium-Sized Enterprises in Russia: In Search of the Employment Growth Factors]. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 12, pp. 66-93. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-66-93
- Kartuzova M.V. Konkurentnyye strategii frilanserov starshego vozrasta na elektronnykh trudovykh platformakh [Competitive Strategies of Older Age Freelancers at the Digital Labor Platforms]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2022, no. 2, pp. 207-222. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2068
- Zemtsov S.P., Chepurenskiy A.Y., Barinova V.A., Krasnoselskiy A.N. Novaya predprinimatelskaya politika dlya Rossii posle krizisa 2020 goda [New Entrepreneurship Policy in Russia After the 2020 Crisis]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 10, pp. 44-67. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-10-44-67
- Radaev V. Etnicheskoye predprinimatelstvo: Rossiya i mirovoy opyt [Ethnic Entrepreneurship: Russia and International Experience]. *Polis*, 1993, no. 5, pp. 79-87.
- Soboleva N.E., Sokolov B.O. Izmeneniye statusa na rynke truda v period pandemii COVID-19 i subyektivnoye blagopoluchiye rossiyan [Changes in the Labor Market Status During the COVID-19 Pandemic and Subjective Well-Being of Russians]. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 12, pp. 139-153. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-139-153
- Acs Z., Armington C. Employment Growth and Entrepreneurial Activity in Cities. *Regional Studies*, 2004, vol. 38, no. 8, pp. 911-927. DOI: 10.1080/0034340042000280938
- Blanchflower D.G. Self-Employment: More May Not Be Better. *NBER*. 2004. Working Paper No. 10286. 59p.
- Bosma N., Levie J. *Global Entrepreneurship Monitor*. 2009. 72 p.
- De Bruin A., Brush C.G., Welter F. Advancing a Framework for Coherent Research on Women's Entrepreneurship. *Entrepreneurship: Theory and Practice*, 2007, vol. 31 (3), pp. 323-339.
- Fritsch M., Noseleit F. Investigating the Anatomy of the Employment Effect of New Business Formation. *Cambridge Journal of Economics*, 2013, vol. 37, pp. 349-377. DOI: 10.1093/cje/bes030
- Fritsch M. New Business Formation and Regional Development: A Survey and Assessment of the Evidence. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*, 2013, vol. 9, no. 3, pp. 249-364. DOI: 10.1561/03000000043
- Fritsch M., Mueller P. The Effect of New Business Formation on Regional Development over Time: The Case of Germany. *Small Business Economics*, 2008, vol. 30, no. 1, pp. 15-29. DOI: 10.1007/s11187-007-9067-9
- Gohmann S.F. Institutions, Latent Entrepreneurship, and Self-Employment: An International Comparison. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2012, vol. 36, no. 2, pp. 295-321. DOI: 10.1111/j.1540-6520.2010.00406
- Huggins R., Prokop D., Thompson P. Entrepreneurship and the Determinants of Firm Survival Within Regions: Human Capital, Growth Motivation and Locational Conditions. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2017, vol. 29 (3-4), pp. 357-389.
- Stuetzer M., Obschonka M., Audretsch D.B., Wyrwich M., Rentfrow P.J., Coombes M., Shaw-Taylor L., Satchell M. Industry Structure, Entrepreneurship, and Culture: An Empirical Analysis Using Historical Coalfields. *European Economic Review*, 2016, no. 86, pp. 52-72.
- Yerkes M. A., André S., Beckers D.G.J., Besamusca J., Kruijven P.M., Remery C., van der Zwan R., Geurts S. Intelligent Lockdown, Intelligent Effects? The Impact of the Dutch COVID-19 Intelligent Lockdown on Gendered Work and Family Dynamics Among Parents. *Plos One*, 2020, vol. 15, no. 11, art. e0242249. DOI: 10.1371/journal.pone.0242249
- Kautonen T., Palmroos J., Vainio P. Involuntary Self-Employment in Finland: A Bleak Future? *Public Policy*, 2009, vol. 4 (6), pp. 533-548.
- Kihlstrom R.E., Laffont J.J. A General Equilibrium Entrepreneurial Theory of Firm Formation Based on Risk Aversion. *Journal of Political Economy*, 1979, vol. 87 (4), pp. 719-748.
- Lee S.Y., Florida R., Acs Z. Creativity and Entrepreneurship: A Regional Analysis of New Firm Formation. *Regional Studies*, 2004, no. 38 (8), pp. 879-891.
- Levesque M., Minniti M. The Effect of Aging on Entrepreneurial Behavior. *Journal of Business Venturing*, 2006, vol. 21 (2), pp. 177-194.
- Lucas Jr.R.E. On the Size Distribution of Business Firms. *The Bell Journal of Economics*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 508-523. DOI: 10.2307/3003596
- Minniti M., Nardone C. Being in Someone Else's Shoes: The Role of Gender in Nascent Entrepreneurship. *Small Business Economics*, 2007a, vol. 28 (2-3), pp. 223-238.
- Minniti M., Koellinger P., Schade C. I Think I Can, I Think I Can...: A Study Of Entrepreneurial

- Behavior. *Journal of Economic Psychology*, 2007b, no. 28, pp. 502-527.
- Shane S. Why Encouraging More People to Become Entrepreneurs Is Bad Public Policy. *Small Business Economics*, 2009, vol. 33, pp. 141-149. DOI: 10.1007/s11187-009-9215-5
- Sternberg R., Fritsch M. Regional Determinants of Entrepreneurial Activities-Theories and Empirical Evidence. *Handbook of Research on Entrepreneurship and Regional Development. National and Regional Perspectives*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2011, pp. 33-57.
- Möhring K., Naumann E., Reifenscheid M., Wenz A., Rettig T., Krieger U., Friedel S., Finkel M., Cornesse C., Blom A. The COVID-19 Pandemic and Subjective Well-Being: Longitudinal Evidence on Satisfaction with Work and Family. *European Societies*, 2020, vol. 23, no. 4, pp. 1-17. DOI: 10.1080/14616696.2020.1833066
- Gupta V.K., Turban D.B., Wasti S.A., Sikdar A. The Role of Gender Stereotypes in Perceptions of Entrepreneurs and Intentions to Become an Entrepreneur. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2009, vol. 33 (2), pp. 397-417.

Information About the Authors

Anastasia Yu. Merzlyakova, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Professor, Laboratory of Labour Market Studies, University of Tyumen, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, a.y.merzlyakova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5647-7420>

Lyubov V. Antosik, Candidate of Sciences (Economics), Professor, Laboratory of Labour Market Studies, University of Tyumen, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, l.antosik@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7433-6621>

Информация об авторах

Анастасия Юрьевна Мерзлякова, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, профессор научно-учебной лаборатории исследований рынка труда, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, a.y.merzlyakova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5647-7420>

Любовь Валерьевна Антосик, кандидат экономических наук, профессор научно-учебной лаборатории исследований рынка труда, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, l.antosik@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7433-6621>